

Нат Жарова

**Выжить в Антарктиде. Том
2**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ж35

Жарова Н.
Ж35 Выжить в Антарктиде. Том 2 / Нат Жарова – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2025. – 764 с.

ISBN 978-5-8854-2747-0

Выжить в Антарктиде. Том 2

Группа туристов плывет в Антарктиду. К Земле летит крупный астероид. Очень скоро их траектории пересекутся в одной точке – в сухой антарктической долине Драконьего Зуба, хранящей невероятную тайну.

Молодожены, артисты, ученые, бизнесмены. Мужчины и женщины. Добрые, жестокие, наивные, опасные, влюбленные и притворяющиеся таковыми – вот только случайных людей тут нет. У каждого есть история, которая их сюда привела. Не все они те, за кого себя выдают. Кое-кто скрывает свои истинные цели. Они такие разные, но их всех однажды объединит одно желание: выжить в Антарктиде.

Увы, обратно вернуться не все...

Автор обложки-Анастасия Логинова

ISBN 978-5-8854-2747-0

© Lennex Corp, 2025
© Н. Жарова, 2025

Нат Жарова

ВЫЖИТЬ В АНТАРКТИДЕ

Том 2

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Ж35

Ж35 **Жарова Н.**
Выжить в Антарктиде. Том 2 / Нат Жарова – М.: Литнет, 2025. – 764 с.

ISBN 978-5-8854-2747-0

Выжить в Антарктиде. Том 2

Группа туристов плывет в Антарктиду. К Земле летит крупный астероид. Очень скоро их траектории пересекутся в одной точке – в сухой антарктической долине Драконьего Зуба, хранящей невероятную тайну.

Молодожены, артисты, ученые, бизнесмены. Мужчины и женщины. Добрые, жестокие, наивные, опасные, влюбленные и притворяющиеся таковыми – вот только случайных людей тут нет. У каждого есть история, которая их сюда привела. Не все они те, за кого себя выдают. Кое-кто скрывает свои истинные цели. Они такие разные, но их всех однажды объединит одно желание: выжить в Антарктиде.

Увы, обратно вернуться не все...

Автор обложки-Анастасия Логинова

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-8854-2747-0

© Литнет, 2025
© Н. Жарова, 2025

28. Жизнь до и после

Игорь Симорский

У каждого в жизни есть рубеж, который дробит привычное существование на части. Иногда перемены заметны сразу, иногда только на расстоянии прожитых лет. Оглядываясь назад, человек вдруг понимает: вот она, точка невозврата, малоприметная и невзрачная, но произведшая эффект, сравнимый с действием песчинки, заклинившей жернова.

Для Игоря Симорского такой неприметной песчинкой стало приглашение на свадьбу давнего партнера по бизнесу Паши Долгова. Роковые слова прозвучали в конце июля, на ежегодном фестивале искусств.

— Все, Игорь, женюсь! — возвестил Долгов с довольной физиономией, и было очевидно: ничего, кроме восторгов и поздравлений он в ответ не ждет и не примет. — Теперь уже окончательно и бесповоротно женюсь. И буду рад видеть тебя на бракосочетании и венчании, отказа не приму.

Решение венчаться в Антарктиде Симорского позабавило. Паша в этом отношении слыл чудаком, все делал вопреки, словно пытался кому-то что-то доказать. Вот и со свадьбой этой получалось так, будто Павел закусил удила — бездумно, назло всем врагам, в желании добиться своего во что бы то ни стало. Первая попытка жениться на француженке сорвалась из-за гибели отца, но Паша решил «дожать», как поступал постоянно. Неожиданные препятствия не пугали, не заставляли задуматься, а лишь подстегивали его. В дурные приметы и знаки судьбы Долгов никогда не верил.

Игорь не разделял Пашиной заикленности на одной единственной женщине. Ему казалось, что красивый

и умных баб на свете много, и терять свободу в столь молодом возрасте недальновидно, но с советами, разумеется, не лез. Каждому свое — хочет связать себя узами брака, пускай себе, лишь бы на бизнесе это не отразилось.

Вторжение Патрисии в их устоявшийся дуэт никак не сказалось на ведущих проектах. Женился Паша на светиле мировой науки, а не на актрисе, поэтому не пришлось резко тасовать колоды, чтобы найти для еще одной симпатичной бабенки место под солнцем. Даже наоборот, богатая супруга могла и денег подбросить, если что. Раскрутка будущих звезд дело дорогое, хотя и прибыльное, а у Ласаль был прочно стоящий на ногах фонд поддержки молодых талантов в науке и творчестве.

— Вы, случаем, не планируете какой-нибудь совместный франко-русский проект? — закинул Игорь удочку, чтобы выяснить перспективы.

— Мне бы с отцовским наследством разобраться, — отмахнулся Павел. — Пат мне помогает в лаборатории. Там обнаружили серьезные проблемы, и без ее советов просто никак.

Игорь понимающе покивал и оставил тему. Постепенно он начинал видеть в скороспелой женитьбе совсем иную подоплеку.

С Патрисией Симорский встречался редко — несколько раз на приемах и один раз ужинали в ресторане в тесном дружеском кругу. Невеста у Паши была красивая и чем-то отдаленно напоминала покойную мать Долгова (по отзывам, та была весьма яркой актрисой, и многие жалели, что ее карьера оборвалась на взлете), однако особой душевности и душевной широты в Патрисии не наблюдалось. Всякий раз, когда Игорь видел благополучную улыбку, затмевавшую холодное выражение глаз, ему хотелось содрать с нее маску, аж руки чесались. Игорь ценил полную палитру чувств, отражающуюся

на женских лицах. Он любил наблюдать за сменой выражений: от обожания до алчности, от испуга до лукавых заигрываний. Вечно улыбающаяся Патрисия его напрягала. Он не видел ее истинной сути. «Интересно, она и в постели такая же *одинаковая*?» — невольно задавался он вопросом, но вывести у Паши интимные подробности все как-то повода не находилось.

На месте Павла Игорь бежал бы от лощеной физички себе на уме, несмотря на ее парижский шик и приличное состояние. Однако, по размышлению, он пришел к выводу, что любовная слепота партнера ему выгодна. Павел оставил все на полное усмотрение Симорского, перестал контролировать затраты и вникать в детали контрактов, и Игорь в конце-концов стал испытывать к француженке что-то вроде восхищения. Похоже, что свадьба в Антарктиде развязывала ему руки по крайней мере на ближайший год (вряд ли ушлая дамочка выпустит Пашу из своих коготков раньше этого срока).

Накануне поездки, в конце ноября случилась досадная неприятность: любимая актриса, «талантище» и «лапулечка» Анджела Корн, которая собиралась в антарктическую гастроль в составе труппы Бекасовой (а заодно должна была скрасить поездку самому Симорскому), упала на ступенях собственного театра и сломала ногу. Игорь страшно переживал, ведь Анджела до сих пор оставалась единственной женщиной, которая сумела надолго его зацепить. Не настолько, чтобы жениться на ней, конечно, но их связь по длительности побила рекорды.

Женщин Симорский делил на три группы. Первая — те, кто затрагивал голову (или, как он выражался, «выше пояса»). С ними приятно общаться, да и в обществе не стыдно похвастать знакомством. Однако заводить длительные отношения с такими дамами Игорь опасался, поскольку, по его мнению, все умные

барышни были стервами, стремившимися подмять под себя мужчин.

Вторая группа — это хорошенькие глупышки, которые затрагивали «ниже пояса», но вынести их дольше недели у Симорского не получалось. И все же у них был очевидный плюс: глупышки отлично понимали правила игры, довольствовались бартером (они ему секс без тормозов, он им карьерный рост, меха или отдых на Мальдивах) и не слишком долго дулись, когда их отправляли в отставку.

В третью группу Игорь помещал свой идеал, мечту и недостижимую роскошь, которая волнует и «выше пояса» и «ниже». В шутку он говорил, что когда такое чудо попадется на пути, девушку следовало сразу тащить под венец, чтобы не убежала. Беда была в том, что чудес ему не встречалось вовсе. Анджела Корн, наверное, была первой, кого бы Игорь смог с натяжкой отнести к третьей группе. Анджела его восхищала, волновала, манила, но были и моменты, которые в ней сильно раздражали. Когда она сломала ногу, Симорский сделал все, чтобы лечение прошло быстро и удачно. Он искренне заботился о своей протеже, но в глубине души понимал, что замуж он ее не позовет. Никогда.

О замене Анджелы на Викторию Завадскую Игорь узнал в последний момент. Как-то так получилось, что Бекасова с ним не посоветовалась. Честно говоря, Симорскому это не понравилось, его, ради приличия, могли бы и спросить, все же деньги на билеты именно выделял, но Елизавета Даниловна отличалась сварливым нравом, и Игорь не стал раздувать скандал из пустяка. Черт с ней!

Чтобы не скучать в Антарктиде, он взял с собой Марину — подающую надежды студентку с факультета музыкального театра. Марина мечтала попасть в мастерскую Ставра Немина, и Симорский считал, что у нее есть

все шансы (тем более, если он замолвит словечко). Все складывалось нормально, но совершенно неожиданно на корабле Игорь встретил то самое чудо, заставившее забыть обо всем и поразившее его и выше, и ниже пояса.

Самое забавное, что Завадскую он прежде видел — в том самом плохоньком сериальчике, который сделал ей имя. По долгу службы несколько лет назад он отсматривал там пару сцен, и эта девчонка совершенно не произвела на него впечатления. Но когда он увидел игру Завадской на сцене, то сразу понял, что пропал. От Вики исходила безумная, дикая энергетика — та, что не чувствовалась на пленке. Возможно, за минувшие годы девица значительно выросла и раскрылась, но не успела заматереть настолько, чтобы перестать быть пластичной глиной в руках умелого мастера.

Симорский был ослеплен, парализован болезненным напряжением в чреслах, и единственной связной мыслью у него билось «Хочу!». Он сам толком не знал, чего хочет больше: стать крестным отцом восходящей звезды или постоянным любовником красивой женщины. Скорей все-таки последнее, пусть умом он и сознавал, что встретил по-настоящему перспективный материал, способный принести миллионы.

Не получив желаемого отклика сразу, Игорь распался пуще прежнего. «Снежная королева» играла в недоступность и набивала цену — что ж, Симорский был готов платить. Был, правда, момент, когда он углядел соперника и честно попытался переключиться. С Громым связываться было лень, тем более, он не был уверен в себе на все сто. Вдруг через неделю новизна уйдет, и он не будет знать, кому эту «снежную королеву» сбаврить.

Вот только Завадская против правил проросла в нем намертво. Студентка Марина Бузина не стоила ее мизинца и начала раздражать на второй день. Томление и неудовлетворенность нарастали, Игорь то проклинал

смутившую его покой холодную красавицу, то был готов ее боготворить. Всего за несколько дней Симорский настолько обезумел, что слетел с катушек.

Предложение Патрисии явилось последней каплей, которая упала на чашу порока, перевесив чашу совести. Игорь выслушал француженку с гулко бьющимся сердцем и понял, что сделает все, как она советует. Он намеренно не желал вникать, какой на самом деле интерес Пашина жена вкладывает в мутное предложение. Там все было нечисто и дурно пахло, но сейчас ему было наплевать и на собственное будущее, и на реальные чувства Завадской, и на судьбу прочих туристов. Игорь всерьез считал, что только обладание жтым совершенным телом избавит его от мучительного наваждения.

Целые сутки он был как в тумане, и очнулся лишь в самолете, когда Вика потеряла сознание. Вот тогда Симорский схватился за голову. Реальность обрушилась на него вместе с осознанием собственного преступления. Он пожалел, что связался с Патрисией, что вообще поехал в эту треклятую поездку, что не смог сдержать гнусные порывы плоти. Ашор Визард тоже его напугал — слова соглядатая Доберкура подействовали как ушат холодной воды, но Игорь зашел слишком далеко, чтобы сделать вид, будто ничего не было. Мысли о Завадской высасывали из него все соки и превращали в одержимого. Отдалиться от нее, порвать незримую связь означало умереть в тот самый миг, и потому он был готов следовать за ней по пятам, сторожить, возделеть на расстоянии, подчиняя собственное расписание ее жизненному укладу, лишь бы не расставаться. В этой женщине, как в кощеевом яйце, сосредоточились отныне его жизнь и смерть.

Усаживаясь в экскурсионный вертолет, Симорский не отрывал глаз от Вики. Его не волновал бесснежный антарктический оазис, оставилравнодушеым ни крова-

вый водопад, и даже то, как Вика настороженно пряталась от него за спиной Ашора, не имело значения. Главное, она рядом — протяни руку и поймаешь. «Я тебя покорю, завоюю, добьюсь», — сбивчиво думал он, выбирая кресло сбоку и чуть позади — лишь бы видеть ее королевский профиль.

Неожиданно вертолет затрясло, замотало из стороны в сторону.

— О щит!¹ — выругался пилот и принял инстинктивное решение сажать машину.

Яркий болид едва не ослепил Симорского. Он промелькнул, ударив по глазам белесой вспышкой, и только потом их догнал шипящий треск и грохот, заглушивший рокот винтов. Вертолет едва не перевернуло прямо в воздухе.

— Держитесь! Аварийная посадка! — крикнул пилот. — Пригните головы!

Пассажиры в салоне заголосили, и громче всех голосил Сергей Абызов:

— Слишком рано! Астероиду слишком рано!

Но астероиду было мало дела до научных расчётов и ожиданий. Все новые и новые раскаленные куски обрушивались с неба. За ними тянулись дымные хвосты, в которых вспыхивали огненные искры.

Летчик вцепился в штурвал, в рычаги и пытался сбалансировать вертолет. Они продолжали снижаться на малых оборотах и почти уже сели на выбранную впопыхах площадку на перевале, но тут прямо у них над головой произошёл жуткий взрыв...

Плотная воздушная волна срезала вершушки гор, перекорежила рельеф, отутюжила долину Чаруского и по-

¹ Дерьмо (англ).

катилась дальше, сминая и разрушая на своем пути все и вся. В этой страшной мясорубке у людей в туристическом лагере не было шансов.

Хотя прогулочный вертолет находился под прикрытием одного из высоких пиков, принявшим на себя большую часть удара, ему тоже досталось. Вращающиеся лопасти были в мгновение ока смяты, и в своем последнем развороте рубанули по хвостовому оперению, отсекая его. Вертолет развалился на части, каждая из которых по собственной траектории рухнула по ту сторону хребта. Топливные баки взорвались, и к небу поднялся столб белого пламени с черным дымным оперением.

В небе вообще творилось несусветное: пыль, мельчайшие каменные частицы, пар от испарившегося снега и льда закрыли солнце, и окрестности погрузились в траурные жаркие сумерки. Текущая по перевалу мелкая речка вскипела и исчезла в мутном облаке. Воздух раскалился, провонял неведомыми миазмами и сделался настолько плотен, что затруднял дыхание.

Игоря Симорского выбросило из кресла в самый последний момент — лопнул ремень, не выдержав инерции тела. Он нырнул в один из чудом уцелевших сугробов, немного смягчивших удар, и, кувыркаясь, скатился по склону вниз, где его буквально впечатало в плоский валун, вышибив дух. На счастье (или как посмотреть — может и на несчастье) он не только остался жив, но и пребывал в сознании, только тошнотворное мгновение неконтролируемого вращения сменилось на тупую прострацию.

Симорский лежал на боку, не понимая, что с ним, где он и как он. Перед глазами дрожали невнятные пятна, вокруг грохотало и давило с упорством сжимающихся клешней. Он хрипел, парализовано таращился глазами прямо перед собой, но боли не чувствовал. Он вообще ничего не чувствовал, превратившись в обездвиженную биомассу, из чистого недоразумения цепляющуюся за жизнь.